

СОБАЧЬЯ ЖИЗНЬ

Сергей Михалин, крепкий высокий мужчина средних лет, не спеша обходя лужи, утопая ботинками в грязи и оставляя глубокие следы, пробирался к дому. Шел от Лисенковых. Забегал на полчаса посмотреть стиральную машинку да задержался до позднего вечера. Подходя уже к дому, он заприметил на крыльце жену. Ее обеспокоенный взгляд насторожил и его. Неужто опять чего с Ольгой? Его младшенькая последнее время частенько прихварывала.

— Сергей... — заприметив вопросительное лицо супруга, женщина хотела было что-то сказать, но промолчала.

— Ну? Чего стряслось?

— Рэм чем-то отравился, по-видимому. В сенях лежит, скулит только, больше ничего. Ефим приходил, говорит, не выживет, только мучается, легче добить. Хотел было обухом топора перебить. Не дала. Тебя решила дожидаться. Даже и не знаю, что делать, — женщина потерла глаза, в которых блеснули слезы. — Ему, что теленку лоб проломить, что любой живности хребет сломать — раз плюнуть.

Сергей приподнял кепку, почесал затылок.

— Дети как?

— Я им не говорила.

— Ты вот что, Юль, давай иди в избу. Я сейчас тоже подойду.

Сергей зашел в сени. На полу на почерневших от старости досках лежал пес и тяжело дышал. Почувствовав хозяина, попытался приподнять голову, но лишь жалобно заскулил и печально моргнул глазами.

— Что же ты эдак, братец, непутево-то так, а? — Сергей присел на корточки, погладил пса. Тот снова заскулил и слабо вильнул хвостом. Казалось бы, и голос теперь прозвучал радостней. Сергей, тяжело вздохнув, провел ладонью по щетине.

— Н-да, — тихо вымолвил он. — Ну, ничего-ничего. Все будет хорошо. Оклемаешься.

Михалин еще раз провел сильной мозолистой ладонью по мягкой шкуре пса. Заглянул в глаза, увидел в них свое отражение. Сердце больно сжалось. Даже ком подкатил к горлу. Тот холодный осенний вечер он помнил, как сейчас, когда совсем маленьким щенком подобрал его на обочине. Кто-то оставил этот живой комочек шерсти на произвол судьбы. Этой «судьбой» для щенка оказался тогда проезжающий мимо Михалин. И вот за какую-то зиму из маленького комочка вымахал с гладко-рыжеватой шерстью, полный силы и энергии пес. Сейчас же этот самый пес лежал у его ног. Совсем не старый, еще живой, но это уже был не тот

Рэм, который обожал детей, играл с ними и каждый раз бросался в объятия хозяев, когда те возвращались с работы.

— Ты только, дружок, потерпи. Все будет хорошо. Вот увидишь.

Показалась жена.

— Как он?

— Надо в лечебницу везти, — Сергей приподнялся. — Мигом на ноги поднимут.

— Так кто же на ночь глядя-то лечебницу откроет?

— Откроют. Еще как откроют, — Сергей снова посмотрел на пса. — Неси какое-нибудь тряпье, чтоб постелить да укрыть можно было.

Юля зашла в избу. Сергей, закурив папиросину, поправил на лбу кепку и отправился искать машину. Проходя мимо Ефимова дома, Сергей с презрением посмотрел на окна, в которых горел свет.

— Обухом, говоришь, добить хотел, тюня, — Михалин стиснул зубами папиросу. — Тебе живую душу загубить, что портному карман пришить. И то верно.

У Щукиных в избе горел свет. Хозяева еще не спали. Сергей, потушив ботинком окуроч, поднялся на крыльцо, крепким кулаком постучал по двери. В избе послышались шорохи.

— Кто? — донесся встревоженный женский голос.

— Клавка, открывай!

— Кто, спрашиваю?

— Михалин!

— Господи, — шаги приблизились к двери. Щелкнул затвор. — Чего не спитесь?

— Твой дома?

— Где ж ему быть?

— Позови, поговорить нужно.

— А чего стряслось-то? — голос собеседницы насторожился. Торопливый тон, с каким Михалин звал хозяина избы, не очень радовал. Было ясно, что-то случилось.

Немного погодя, дверь открыл сам Геннадий Щукин. Вышел на крыльцо, поздоровался. Клавка, поправляя платок, последовала за мужем.

— Чего спать не даешь?

— До Черемушек докинешь? Срочно нужно.

— Ну, если срочно...

— А чего стряслось-то? — Клавку в отличие от супруга любопытство распирало изнутри.

— С Рэмом что-то произошло. До утра, видимо, не доживет. К ветеринару свозить бы надо.

— Совсем ополоумели, — развела руками хозяйка избы. По-видимому, ответ ее не очень устроил. — Своих проблем мало, еще собачьих подавай!

Сергей недовольно шевельнул скулами.

— Ну, так как?..

— Так ведь лечебница, поди, закрыта, — Геннадий почесал за ухом, было видно, что и он немного в недоумении.

— Нет, ё-моё, вас дожидается, когда вы на ночь глядя объявитесь, — проворчала Клавдия со злой усмешкой. — Людей толком не лечат. Помирать ночью станешь — не приедут. А тут собаку...

— Мы со Степаном Игоревичем знакомы немного. За ним должок.

— Подожди минутку, — Геннадий зашел в избу.

Михалин достал папиросу, нервно сжал пальцами, закурил. Запрокинул голову, посмотрел на звезды, сделал глубокую затяжку, перевел взгляд на Клавку. Та, поправляя платок, скривила нос, что-то вполголоса буркнула и тоже зашла в избу.

Сергей от обиды скрипнул зубами. Вот ведь как. Как на дурачка посмотрела. Из-за собаки, мол, шум поднял. Что же теперь его бросать изволите? Мол, твоя песенка спета, другого заведем. А то, что у него душа есть, как у каждой живой твари, это уже ни о чем не говорит? Да ты подожди, посмотри в глаза его. Разве он ничего не понимает? Все понимает. Лучше любого из нас понимает, да только вот сказать ничего не может. А от этого больно втроене, когда тебя понять никто не может. Давайте теперь от него и нос воротить будем и сапогом под хвост — нам больной не нужен.

— Сейчас еще и там начнут выкобениваться, — Михалин сплюнул окуроч. О том, что он знаком с ветеринаром и уж тем более у того должок, он приукрасил. — Я им начну...

Вышел Геннадий. Быстренько завели уазик, погрузили собаку на заднее сиденье и поехали в райцентр. Ехали не спеша, сильно не разгонишься по таким ухабам, да еще и ночью.

— Елки зеленые, — ругался Сергей каждый раз, когда налетали на кочку, и от этого машину потряхивало. Раньше на это и усом не повел бы, но сейчас от каждого резкого содрогания пес жалобно скулил. — Когда же дорогами-то займутся, мать вашу в три ноги!

— Рак на горе в сотый раз охрипнет, пока начальство почешется, — буркнул Геннадий. — А пес не жалец. Зря везем.

— Ну, это мы еще поглядим, — ответил Сергей. — Бросить его вот так вот не могу, понимаешь? Не могу. Кем я буду после этого, если его жизнь на какие-то семь литров бензина променяю? А вдруг и правда на ноги встанет? — Михалин вздохнул. — Он ведь прошлым летом дочурку мою из лесу вывел, когда та от подруг отстала и заплутала. Помнишь? Всей деревней искали, не нашли, а он вывел. И что же я теперь после этого должен ему обухом по голове, только лишь бы не скулил и глаза не мозолил? Так по-твоему?

Геннадий промолчал. Он и забыл совсем, что пес действительно тогда вывел девчущку из лесу и не бросил, не оставил одну. Теперь уже и Щукину стало жаль пса. Захотелось, чтобы он непременно поправился. И очень хорошо сейчас понимал приятеля. Да если бы этот пес так же спас его сынишку, он бы семь шкур на себе порвал, только бы тот выжил.

Как и ожидали, в окнах Степана Игоревича не горел свет. Ветеринара либо не было дома, либо досматривал четвертый сон. Сергей подошел к окнам, постучал.

— Кого там черти еще принесли?! — послышался грубый мужской голос. Гости подивились такому добродушному хозяину. Открылось окно, и показалось молодое помятое от вина лицо тридцатилетнего мужчины. — Чего надо?

— У нас тут собака...

— Да мне плевать, что у тебя там! — огрызнулся мужчина, и глаза его в эту секунду злобно блеснули.

— Лешка, кто там? — послышался еще один голос. Открылось другое окно, в которое выглянуло пожилое лицо хозяина.

— Степан Игоревич? — обратился к старику Сергей.

— Ну? В чем дело? Что стряслось?

— У нас тут собака. Понимаете? Рэм. Отравился, по-видимому, чем-то. Осмотреть бы надо...

— Да вы что, молодой человек, издеваетесь, что ли, в самом деле? Вы на часы смотрели?

— Ну, все, гады, молитесь, — по-видимому, недовольство отца еще больше возмутило и пьяного сына.

— Лешка, а ну не дури! — прикрикнул старик и вместе с сыном скрылся в избе. В сенях послышались громкие шаги и ругань. Со скрипом распахнулась дверь, и на

улицу выскочил разъяренный Алексей. Тот смотрел на гостей с такой ненавистью, будто те оклеветали его в чем-то нехорошем, испачкав гордость и задев самолюбие.

— Кому тут собаку вылечить, мать вашу?! — Алексей двинулся к Сергею, видимо, потому, что в основном он и вел беседу. Замахнулся. Сергей попытался вернуться, но совсем успел — задели кулаком по уху.

Тут уже и Михалин окончательно вышел из себя. Насмешки и непонимание по поводу пса разозлили, разожгли огонь в груди.

— Ах ты, падали кусок! — И Сергей звезданул Алексею в челюсть. Из-за хмеля тот не успел вернуться и принял весь удар. Рука у Михалина была тяжелой. Мужчина упал на землю и уже больше не вставал.

— Милиция! Вызовите милицию! — закричал на всю улицу перепуганный ветеринар. Михалин схватил его за руку, еще больше этим напугав, и потащил к машине, где лежал пес.

— Сергей, Сергей! — попытался одернуть разбушевавшего друга Геннадий. — Успокойся. И в самом деле милицию вызовут.

— Я им вызову, я им так вызову! — Сергей чуть ли не силком двинул ветеринара к машине, показывая на больное животное.

— Успокойтесь, в самом деле. Это всего лишь собака. Я могу ей сделать укол. Усыпить, понимаете? — Степан Игоревич посмотрел на пса, раздвинул зрачки. — На ноги я вам его уже все равно не поставлю. Час, полчаса, и все... Единственное, что я могу, так это прекратить мучения.

Михалин с трудом припоминал, как приехала милиция и молоденький сержант со старшиной вежливо попросили присесть в машину. Кто-то из соседей, перепугавшись за Степана Игоревича, вызвал милицию. В отделение с Сергеем беседу вел старший лейтенант, примерно его годов. Человек неглупый и по взгляду и разговору рассудительный и справедливый, что на редкость удивило и обрадовало. Михалин перестал нервничать, быстро успокоился. Даже грубить не хотелось в присутствии этого милиционера, а со временем и стыдно стало за свое поведение. Старлей вызвал к себе сержанта и на минуту покинул с ним кабинет. Через полчаса молоденький сержант вновь дал о себе знать.

— Ну, так вот что, — произнес старший лейтенант, поглаживая усы. — Заявление Степан Игоревич писать на вас отказался. Сын явно наутро о случившемся инциденте не вспомнит. Что же касается собаки, то тут уж, извините, каждому Господь Бог отмерил свое время. И это тоже понимать нужно. Поэтому я сделаю вид, что состава преступления в ваших действиях не нахожу. Но... — тут дежурный привстал и вышел из-за стола. — Но настойчиво требую ехать сейчас домой. Подобное произойдет, упеку лет на пять. Я понятно выразился?.. Ну и хорошо.

Михалин покинул вместе со старлеем кабинет, и тот позвал сержантика, который тут же появился откуда-то из-за угла, держа в руках щенка.

— А это вам подарок от моей Герды. Выбросить, я так понимаю, у вас рука не поднимется, а обратно я его не приму. Уж, извините. Всего доброго!

Дежурный подозвал к себе Щукина и еще раз настойчиво предупредил, чтобы тот отвез Михалина домой, взяв с того расписку.

Обратно ехали молча. Тихо лепетало в машине радио, и изредка рыжеватый щенок, похожий на Рэма, чесал задней лапой за ухом и тыкался носом Сергею в куртку. Тело Рэма лежало по-прежнему на заднем сиденье. На уговоры водителя оставить собаку где-нибудь у посадки Сергей не соглашался. Он уже знал место, где похоронит. Поглаживая щенка, он печально смотрел на дорогу, где свет автомобильных фар сопротивлялся с темнотой. Когда-то, только несколькими часами раньше, он вот так же вез домой таким же щеночком и Рэма. Но за весь сегодняшний вечер Михалин так и не понял, для чего люди держат собак, называют «другом»

человека. Ведь «друг» — это понятие, и относительное. Верно, собака за хозяина и жизнь отдаст. А хозяин ради пса соизволит прийти на помощь, приподнять свой зад или легче обухом по голове? Вот такая вот она — собачья жизнь.

В ЦАРСТВЕ ТЕНЕЙ

В субботу ближе к вечеру в доме у Саньки Полошина собралась уйма народу. И все пришли послушать Саньку. Саньке было тридцать два года, десять из которых он непрерывно пил. Вообще парнем он был веселым, дурашливым, поговорить любил. Спорить с Санькой было бесполезно. Про таких говорят: ты ему слово, он тебе десять.

Но в душе Санька был человеком незлым. Работать умел, голова на плечах тоже имелась. Иногда (то ли хобби такое у него было, то ли от нечего делать) занимался в свободное время резьбой по дереву. Из небольшой липовой досочки мог действительно сделать маленький шедевр. Получалось неплохо.

Только вот одна беда была у Саньки — пил. Многих хороших людей погубил этот зеленый змий в стеклянной бутылке. Случилось это и с Полошиным. Три недели назад от сильного перепоя Санька попал в больницу, где врачам чудом удалось его спасти. Организм был настолько отравлен этой гадостью, что у Саньки была клиническая смерть.

После, когда тот пришел в себя, заявил, что побывал на том свете. Видел ангелов и бесов. Врачи объяснили Сашкиной жене, Матрене, что это не редкость, когда люди, оказавшись на грани между жизнью и смертью, рассказывали про потусторонний мир.

Был даже случай, что однажды от рождения слепого человека так же чудом удалось вытащить из объятий смерти. После он рассказывал, что видел, как его спасают. Описывал обстановку в реанимационной и врачей, что боролись за его жизнь. Так что снисходительно к этому относиться не стоит.

Потому-то и собралась в доме Полошиных уйма людей. Все пришли послушать Сашку. Всем было интересно: как там и что там. Обычно к Саньке относились с недоверием, несерьезностью, все норовили обзвать дурачком или, на худой конец, шутком. Теперь же в глазах гостей сияло страшное любопытство. Это хозяин дома заприметил сразу. Санька сидел за столом, попивая горячий чай. Гости расположились तो где. Торопиться рассказывать Сашка пока не спешил. Ему было приятно, что его ждут, не торопят и, что самое главное, — все здесь собрались ради него.

— Ну, не темни, Санек, рассказывай али долго молчать будешь? — не выдержала старуха Пелагея.

В основном собрались одни старики. Молодых было мало. Это и понятно. Пока молодость играет, о смерти думать глупо, да и не думаешь о ней особо-то, не боишься вовсе. А вот когда старость надевает на тебя свой халат с различными болячками и болезнями, то и к самой смерти начинаешь относиться как-то уже серьезнее.

— Ну что я вам расскажу, — Саня отпил немного из кружки и помолчал. — Даже и не знаю, с чего начать.

— Начинай с самого начала.

— Ну, так вот, — Санек улыбнулся, затем серьезно сдвинул брови, оглядел каждого и принялся рассказывать. — Помню, вижу я одну темень, до того темно, хоть глаза коли. И вдруг маленький такой, малюсенький просвет впереди. И голос, откуда ни возьмись, говорит мне: не бойся, ступай. Пошел я на свет, иду, значит, а страха никакого нет. Помню хорошо, что не боялся я в тот момент нисколечко.

Выхожу на свет, стоят двое. Лиц их не помню, вот хоть убейте, не помню. Один в черной одежде, другой в белой. Спрашиваю, где это я. Умер ты, говорит мне тот, что в белой одежде. Так я в раю, спрашиваю. Рано тебе пока еще в рай, для начала ад покажем, ну а после, говорит, и на рай посмотришь.

— Батюшки, — перекрестилась одна из женщин. Санек с какой-то важностью, как бы, что ли, свысока, посмотрел на нее, отпил немного из кружки и продолжил:

— Так вот. Говорит, ад покажем для начала. И тот, что в темной одежде, берет меня за руку: следуй за мной, говорит. И только стоило мне сделать шаг, как полетели мы с ним обратно в темень. Закружилось все вокруг, завертелось. Тьма кругом. Чувствую только, как этот мою ладонь держит, не выпускает, а кругом крики душераздирающие. Плач, смех — все вместе. И вот тьма постепенно рассеялась, и вижу я, что находимся мы с ним... ну, это... как вам объяснить... ну, что-то вроде шахты под землей. Голову вверх задрал, а вместо неба чернота. Густая черная-пречерная копоть. Этот, в плаще, все ладонь мою держит, не выпускает. Позже до меня только дошло, что это падший ангел был. Слуга дьявола.

— Брехня! — нагло заявил Гришка Бурьлин. — Эдакой ерунды я еще не слышал.

Санька нахмурил брови. Такой дерзости в свой адрес он сейчас никак не ожидал. Вообще Гришка ему никогда не нравился. Вернее, последние четыре года. Раньше Григорий тоже был любитель выпить. Так же, как и многие мужики в селе, пил много и часто. А четыре года назад что-то с Гришкой произошло: он сам бросил пить. Хотя до этого кодировался много раз — не помогало. А тут взял и сам бросил. Взял себя в руки. Вот с того момента его словно подменили. Если раньше до того напивался, что под заборами валялся, не доходил до дому, то теперь сам всех пьяниц стал презирать. Относился к ним с какой-то даже непонятной злобой. За это и невзлюбили его мужики в селе, и Санька в том числе.

— Помолчи уж, — заступилась за Саньку Тамара, полненькая женщина с узенькими глазами. — Сам ты брехня. Неинтересно — не слушай, а другим не мешай.

— Хоть бы Бога побоялся, — сказала Пелагея и снова перекрестилась. — Не слушай никого, Саша, рассказывай.

Санек потер подбородок и тихонько вздохнул. В душе он радовался и ликовал. Знал, что сегодня в этом доме хозяин он. Даже Матрена молча сидела на кровати и с уважением слушала мужа. И Саньке было особо приятно, что за него заступаются. Если раньше бабы в селе мужикам своим все уши прожужжали, ставя в пример Гришку, то теперь того самого бранят, и это было приятно. Вот бабы, не поймешь их, такой странный народ. Стоило только Гришке бросить пить, как он у них тут же национальным героем стал.

— Так вот, ведет он меня, этот, в плаще, за руку держит, а другой рукой мне на грешников указывает. А их там, ууу, тьма. Все плачут, стонут, грязные, измученные, и все голые. Что женщины, что мужчины — все нагишом. Одни работают. Камни, огромные такие, тяжелые, друг дружке передают. Встали вокруг и друг другу передают. От тяжести у самих ноги трясутся, но не падают. Другие в бочке со змеями сидят. Те прям кишат возле их лиц, кусают, и пчелы над головами кружатся, жалят. Вот тогда-то мне и стало страшно. Так боязно сделалось, что останусь там. Так жить захотелось. А этот, видно, почуял мой страх, ладонь еще крепче сжал и подводит к одному из грешников. Тот, значит, кладет руку на огромный пень, сам же замахивается топором и хрясь! — Бабы взвизгнули. — И рука на земле. Плачет, корчится от боли. А мы стоим и смотрим на него. А потом, раз! И рука у него снова выросла. И он опять ее на пень и снова топором, хрясь. И так все сначала. Этот, в плаще, говорит мне: а этот грешник мать свою обижал, этой самой рукой колотил ее. И ладонь мою еще сильнее сжимает. А я смотрю на этого грешника, а

самого трясет от страха. Сердце в пятки уходит. Матушку-то я свою тоже не раз обижал, — Санек замолчал. Его не торопили. Молчали. Все под влиянием рассказа были шокированы. Все, кроме одного.

— Нет, ну это надо же так заливать, — начал опять за свое Гришка.

— Ой, умолкни, а! — сказала тому Тамара.

— Что ты к нему пристаешь? — поинтересовался старик Игнат. — Не нравится, неинтересно, ну так и не слушай. Чего ты? Али думаешь, они там, грешники, мороженое с блинами уминают.

— Я ничего не думаю.

— Ну, тогда и другим воду не мути.

— Я просто...

— Просто он.

— Просто не могу терпеть, когда обманывают. И вас всех жалко, потому как вижу, что за нос вас водит.

Санек зло посмотрел на Григория. Хотел было сказать ему что-то такое грубое и нехорошее, но не успел, вмешалась жена.

— Значит, так, — привстала с кровати Матрена. — Еще раз вякнешь, я тебя... — она промолчала, но все догадались, что она с ним сделает. Бабой была она крупной. Ее даже Санек иной раз побаивался. Женщина снова присела на кровать и добавила: — Выкину из дома, как кутенка.

Все ей поверили. Даже Григорий поверил. Эта могла.

— Так ведь... — заговорил тот уже ласково, спокойнее, — его всего-то две минуты не было. Сама же говорила, что две минуты врачи боролись за его жизнь, не больше. А он тут рассказывает, словно неделю там пробыл, как на курорте.

— Это здесь минута, а там целая вечность, понимать надо, — ответил Санек. — Чай, там часов у них нет.

Гришка промолчал, скривил улыбку. Сашка догадался, отчего тот бесится — оттого что на него перестали обращать внимания. Вот змей хитрый. Ну-ну.

— Рассказывай, Саша, не слушай никого, — произнесла одна из старух.

— И чем дальше он меня вел, тем ужаснее становилось и страшнее, — Санек даже заговорил каким-то не своим голосом. — До того душераздирающие крики везде, стоны и плач, что только от этого сердце замирает. Идем с ним, а кругом котлы огромные, вода в них бурлит, и грешники в кипятке от боли стонут. Так стонут, невыносимо просто. Представить себе и то страшно, это какие же муки... — Санек немного помолчал. — Воронов там много. Огромные такие, черные. На грешников садятся, те, что прикованы к стене цепями, и все тело им клюют. Глаза выклевывают, аж куски мяса вырывают. Другие тоже прикованы к стене, по шею в воде стоят и, главное, от жажды мучаются. Только он, бедолага, к воде голову склонит, как она по грудь опустится. Вроде и рядом водичка, а не испить. А дальше и того хуже. Сковорода огромная такая, просто громадная, аж докрасна раскаленная, и вот они там, бедные, на ней пляшут, как горох...

— Ага, цыганочку, — усмехнулся Гришка, затем покосился на Матрену, и улыбка пропала.

— Ее самую, — Санек, сморщив лоб, посмотрел на Гришку. — Так вот, ведет этот меня дальше. Кругом пекло, костры горят. Черти маленькие бегают, со стол росточком. Типа надзирателей у грешников. Бормочут, смеются. Весело им. Поросята волосатые. И вдруг вижу, а в котле Борис Анатольевич сидит (это Санька про Гришкиного отца речь завел). Кипяток в котле аж бурлит, а соседка вот извивается, как рак краснуший, вопит благим матом...

Кто-то из тех, кто помоложе, тихонько хихикнул.

— Ты чего ерунду-то мелешь, — сказал Гришка, оробев от услышанного.

— А я-то ведь помню его, — Санек завелся. — На всем белом свете, поди, таких скупых людей не было, как он. Снега зимой не допросишься. Зато сейчас ему там чем не курорт? Отобрал я у чертенка лопату, черпнул угля да подкинул разок-другой под котел, чтоб не замерз папенька ваш.

— Ну, ты и сволочь! — Гришка психанул, подскочил.

— Не тронь больного! — завизжали бабы. — Только с больничной койки, а ты на него с кулаками? Остепенись.

Плюнул Гришка, развернулся и пошел на улицу. Все замолчали. Санек тоже молча смотрел куда-то в угол. Может, и правда перегнул палку. Не нужно было. А с другой стороны, чего он прицепился, рта открыть не давал. Саня тихонько вздохнул.

— В общем, страшно там, страшно. Врагу не пожелаешь там оказаться. Пока жив на этом свете, нужно быть человечнее и добрее ко всем, чтобы тяжело и больно не было потом там, — Санька помолчал немного. — Я это понял. Есть он Бог, есть. Я вот раньше-то думал: верю, что он есть, на самом деле это не так. Не верил я. А теперь верю. Есть Бог, есть.

Пелагея снова перекрестилась.

— Ну а рай, какой он, расскажи, Сашенька, про рай.

— Рай? А не побывал я там. Не довелось. Только, помню, потом тот, в белом плаще, так же взял мою ладонь и говорит: ступай обратно, ты еще там, на земле, не все сделал. Ступай, говорит, живи.

Все молча смотрели на Сашку, который с печалью, с какой-то даже невыносимой болью посматривал на икону, что висела в углу, и по его щекам катились мелкие слезы.

С тех пор Полошин больше не пил, ни разу не притронулся к спиртному. Через полгода и курить бросил. Ко всем пьющим относился с сожалением. Не презирал их, как Гришка, а сочувствовал, жалел, пытался помочь. Через год и вовсе ушел в сельскую церквушку послушником. Видно, прав был тот в белом плаще: не все еще в жизни успел Санька, рано пока ему помирать. Может, именно сейчас для него и открылась эта новая жизнь.

И ТАКОЕ БЫВАЕТ

Поезд сделал короткую остановку в пять минут, и в вагонах тут же засуетился народ. Кто-то выходил на станцию, а кто, наоборот, тихонько пыхтя, протискивался в поезд. Семен лежал на нижнем ярусе и читал книгу, когда с ним вежливо поздоровались. Это был мужчина лет сорока — сорока пяти, приятной внешности, ухоженный, с добрыми глазами. Даже легкая седина на висках не старила его, а, наоборот, украшала, придавая зрелости. Почему-то Семену сразу же подумалось, что тот непременно работает врачом, каким именно, конечно, сразу не скажешь, но что врачом — наверняка.

— Игнат, — представился сосед и слегка улыбнулся.

— Семен, — представился парень, и они обменялись рукопожатием.

Мужчина разложился поудобнее на соседнем нижнем ярусе. Огромную черную сумку он убрал под сиденье, а маленькую серенькую положил перед собой.

— Тоже до Москвы? — поинтересовался он.

— Ага, — кивнул Семен, посмотрел немного на соседа и прикрыл книгу. — Так-то я нижегородский, домой еду... С Казанского сяду, восемь часов — и дома, — Семен слегка улыбнулся. — Сам откуда?

— Москвич.

— Интересный народ.

Мужчина приятно улыбнулся.

— Как и везде... Служивый, что ли?

— Ну, — паренек провел ладонью по короткой стрижке. — Все. Дембель.

— Поздравляю!

— Четвертые сутки в этом вагоне трясусь, туту-туту, скорее бы, — последнюю фразу Семен произнес полупшепотом.

— Два года терпел, а тут уж и подавно выдержишь, — Игнат потер подбородок. — Не желаешь пригубить, так сказать, немного?

— Не откажусь.

— Тут у меня где-то коньячок завалился. Вот и обмоем твой дембель, — мужчина открыл серую сумку.

— Да я уж здесь в первый день наобмывался. Хех. Ребята сверху до Новосибирска ехали, — Семен кивнул головой на верхний ярус. — Выпили, стали песни орать. Проводница пришла, ругаться давай. С характером, зараза.

— Ну, ругаться не надо. Спокойнее нужно быть.

— И я об этом же, ругань ни к чему.

Игнат достал бутылку коньяка, немного пошвырявшись в сумке, вынул пакет с нарезанной колбасой.

— Шоколада... — положил он колбасу на столик рядом с бутылкой, — шоколада, говорю, нет, будем так. Мне, кстати, и колбасой нравится закусывать.

— Да бог с ним, — Семен махнул рукой. — Мне это сладкое уже вот здесь, — провел ладонью у горла, — на одну сгущенку глаза век смотреть не будут.

— Понимаю, — Игнат улыбнулся, взял бутылку, разлил. — Ну, давай, солдат, за дембель!

— Давай, — чокнулись, выпили, закусили. Поставив стакан ближе к бутылке, Семен бросил взгляд в окно, где маячили телеграфные столбы, бескрайние поля, лесочки на заднем плане, ярко светило солнце, природа радовала глаз зеленью, и на душе сразу как-то сделалось по-весеннему тепло и приятно. — Эх, до чего же хорошо.

— Ну да, коньяк ничего пошел, приятно.

— Да я не об этом. Вокруг хорошо. Солнце, небо, зелень... красота-а! — Семен немного призадумался. — Все-таки правильно говорят — уходить в армию лучше по осени, а приходит весной. Да разве сердце выдержит... Это когда тебе еще год служить, не задумываешься больно-то, а когда семьдесят дней до дома, да ты в наряде, а тут такая красота... измучаешься весь. В февралю-то с ума сходишь, не то чтобы уж про август говорить. И ведь что самое интересное, Игнат, тоска, она и начинает мучить по-особенному, когда тебе остаются какие-то считанные деньки. Первые полгода гоняют как Сидорову козу, тут не до тоски. Потом привыкаешь, втягиваешься потихоньку, приходят молодые, расслабляешься, и вроде служить-то еще целый год, а не задумываешься особо. А вот когда деньки-то приближаются и можно месяцы по пальцам на одной ладони пересчитать, тут уж да, тут уж тоска и начинает просыпаться. Все уже надоело, ничего неохота, а служить еще три месяца. Караул. Если сначала недели не замечаешь, пролетают в нарядах, только глазом успевай моргнуть, то под дембель денечки тянутся как резинка из-под трусов. Тоска по дому гложет и гложет.

Игнат взял бутылку и снова разлил. Семен тяжело, печально вздохнул. То ли коньяк так быстро на него подействовал, то ли и правда душу что-то тревожило, что хотелось говорить. И говорить про армию. Это понятно. О чем же еще мог сейчас беседовать этот двадцатилетний парнишка, когда только недавно сменил сапоги на кроссовки.

— И вот стою я, значит, в умывальнике перед отбоем, бреюсь, а завтра вечером поезд. Домой. Гляжу в зеркало на себя, и так сердце сжало, так горько и печально

сделалось, что готов был прослезиться. Ведь все это я больше никогда не увижу. Больше никто не разбудит меня криком «подъем», не будет больше ни прапоров, ни ротного, ничего этого больше не будет. И как бы я всю службу ни проклинал и как бы ни рвался домой, а вот в ту самую минуту так горько мне сделалось. Не поверишь. Печально стало, что уезжаю. Уже другая тоска трепанула душу. Что ни говори, а все же два года я в этой казарме прожил, в столовую ходил, на посты... да и ребят больше наверняка не увижу. Прощались, радовались, дембель, а на душе тоскливо. Вроде бы и радостно, а в то же время и грустно. И каждый из нас понимал: разведемся и окунемся в суетливый омут жизни. И не будет ничего всего этого, не будет лиц, к которым привык за два года, не будет ничего.

Игнат посмотрел на паренька, на худое лицо его, на крепкие жилистые руки и, вздохнув, промолчал. Вспомнил себя, когда пятнадцать лет назад так же возвращался со службы домой. И тоже в душе творилось что-то непонятное, что-то такое, чего словами не передать.

— Что-то ты о грустном заговорил, брат, — Игнат протянул пареньку стакан с коньяком.

— И не говори, — Семен принял выпивку. — Давай за родителей.

— Давай, — чокнулись, выпили, закусили. — Чем собираешься на гражданке заниматься?

— Пока не знаю, — пожал плечами, — отдохнуть надо.

— Смотри, не загуляйся.

— То есть?

— Поступать не думаешь в институт?

— Да нет, говорю же, отдохнуть надо. А через годик можно и поступить. Учиться, конечно, надо.

— Надо. Ты деревенский?

— Ну.

— И я тоже из деревни...

— А говорил, москвич.

Игнат улыбнулся.

— Да у нас пол-Москвы кто из Брянска, а кто из Махачкалы. И все москвичи. Лишь бы прописка была.

Семен кивнул головой.

— Отслужил, домой вернулся в девяносто втором, загулял немного. Да как немного, хорошо загулял. В деревне работы нет, в городе беспредел один. Молодежь вся в группировки подалась да в город рванула. Сейчас все на кладбище обитают. Больше двадцати пяти и не пожил. А я три года пил по-страшному, дурью маялся. Все, думал, сопьюсь. Ничего порой в голову не лезло, даже жить не хотелось. Потом Людмилу встретил. Видно, есть все-таки Бог, не дал сгинуть. Люда, она, конечно, молодец, сильная, она...

— Жена?

— Жена. Двоих сыновей растим. Никитка да Сережка. Младший в следующем году в школу пойдет, — Игнат призадумался немного, взял бутылку, открыл, стал разливать.

Проводница, что шла мимо, остановилась. Крепкая черноволосая женщина с густыми бровями, как у Брежнева, недобро посмотрела на Семена.

— Смотрите, тихо тут, не горланьте больше, а то быстро ссадим, — сказала и тут же удалилась.

— Ух ты, гляди, какая, — паренек скривил улыбку. — Что же, теперь и выпить нельзя?

— Да брось ты, не обращай внимания. Невеста-то есть?

— Есть, — Семен улыбнулся. — Оксаной звать. Дождалась.

— Значит, любит. Поженитесь. Все у вас хорошо будет.

— Дай бог.

— Все же мужик, когда женат, не так дурью мается, как холостой. Что ни говори, а без женщин пропали бы. Хрупкие они, безобидные, а столько силы в них, что у нас этой самой силы нет. Все выдержат, все могут, иной раз у нас руки опустятся, а у них — нет. Сила, она ведь не здесь, — Игнат похлопал Семена по плечу, — а тут, — положил ладонь на грудь. — А мы их обижаем, — Игнат тихонько вздохнул. Взял стакан, выпил. — Переписывались?

— А то, — Семен тоже выпил. — Только этим и жил. Тяжело, конечно, вдвойне, когда девушка на гражданке ждет. Душа вся изноется. Но она у меня хорошая. Пацаны все удивлялись, зачем, мол, пишу, сотовый же есть, и так каждый день разговариваем. А я им: не понимаете вы, говорю, ничего не понимаете. Письмо-то получу, так я его раз двадцать прочитаю, каждое словечко, каждую строчку наизусть помню, и от листка самого ее ладонями пахнет. Сложишь, уберешь в карман, и будто рядом она с тобой, все же какая-никакая, а ее частичка присутствует.

— Это ты верно говоришь, — Игнат тихонько кивнул и еще раз повнимательнее посмотрел на соседа. Красивый юноша, не избалованный жизнью и не сломанный армией. Слушаешь его, и как-то даже тепло, что ли, на душе становится, хорошо. И тут же охота пожелать ему настоящего человеческого счастья. Чтобы не испортила, не измучила гражданская жизнь, как бывает часто.

Семен отвернулся к окну и задумчиво уставился вдаль. Перед глазами стояла Оксана. Ее милое, нежное, как утренняя роса, и веселое, как лучик солнца, личико. Слегка курносая, рыжеволосая, с крошечными веснушками у носика. И глаза — добрые-добрые. Смотришь в них и чувствуешь всю нежность ее, всю доброту. И сама она добрая-добрая, в жизни, наверное, таких людей не бывает. Всех жалела, всех любила своим добрым сердцем. Выйдешь, бывало, с ней вечером на прогулку, а она голову склонит и тихо так, полушепотом: «А у бабы Тамары корова отелилась. Только вот теленок двух дней не пожил. Умер. Слабеньким родился. Жалко». Подумаешь про себя: ну что же, бывает. Люди гибнут, а живность и по-прежнему. А послушаешь, как она скажет, заглянешь в ее глаза, и так жалко самому становится этого теленка, будто сам его под сердцем выносил. Никому ни в чем не отказывала. Всем во всем помогала, только попроси. Да и просить иной раз не надо, сама помощь предложит. Доверчивая очень, потому и обижали, бывало, ее же ровесницы. Завидовали красоте ее неземной. Редко в жизни так бывает, чтобы красота и доброта в одном человеке ужились. За то и полюбил ее Семен, всем сердцем полюбил. Сильно. Горячо. Все два года о ней только и думал. Даже сейчас, уже в поезде, а сердце не перестает ныть и образ ее перед глазами.

— Чего загрустил опять? — потревожил воспоминания Игнат. — Пойдем, покурим.

Отведя взгляд от окна, Семен тихо вздохнул и, прихватив со столика пачку сигарет, отправился курить.

Проведя на Казанском вокзале несколько мучительных часов ожидания, Семен наконец-то сел в поезд. Еще несколько часов трясась в вагоне, думал о доме и о любимой. Наконец вот они, родимые места, знакомый вокзал. Сойдя с поезда, паренек глубоко вдохнул. Боже, наконец-то приехал. Еще каких-то сорок километров — и дома. Обнимет мать с отцом, увидит и расцелует свою любимую. Так хорошо, так горячо стало на сердце, и в то же время терпение не давало покоя. Медлить нельзя.

В ближайшем цветочном киоске Семен купил для невесты цветы и подошел к таксисту.

— До Глухова довезешь? — поинтересовался он.

— Пятьсот рублей.

— А чего так дорого?

— Дешевле никто не повезет, — только и ответил таксист.

Семен махнул рукой, отдал деньги и сел в машину. Таксист оказался человеком немолчаливым. Всю дорогу, не переставая, рассказывал о рыбалке и жаловался на плохие дороги. Но солдатику уже было не до разговоров, и он молча отвернулся к окну. Где-то на полпути их резко обогнала иномарка, несясь с огромной скоростью.

— Ты гляди, что вытворяет! — воскликнул шофер. — На тот свет скорее хочет. Все там будем, успеешь!

— Возможно, торопится.

— Ха, торопится. Вот из-за таких и бывают аварии на дорогах, — таксист приспустил окно и, не спросив разрешения у паренька, закурил. — Случай был, давно, правда, знакомый у меня один, хороший знакомый, к жене в роддом ехал. Дочь родилась. Тоже вот так вот несясь сломя голову, ну и что думаешь — разбился, не доехал. И жену вдовой, и ребенка сиротой оставил. Вот и думай после этого, дорога таких не любит.

Семен посмотрел на спидометр, который показывал семьдесят километров, и снова отвернулся к окну, где мелькали березы и время от времени придорожные памятники, напоминающие о трагедии. Сколько же их много. Стоят себе молча, никого не трогают, но как бы своим присутствием напоминают водителям: сбрось скорость, не торопись.

И наконец родное село, вот он, родимый дом. Паренек, поблагодарив таксиста, вышел из машины. Рядом с домом стояла соседка и посматривала куда-то вдаль. Семен подошел к ней тихонько и обнял за плечи.

— Равняйся! Смирно! — улыбнулся дембель. Настроение снова поднялось. Хотелось радоваться и плясать. Соседка обернулась и уставилась на паренька тревожными, растерянными глазами. — Баб Маш, ну вы чего, не признали, что ли? Женщина молча, с какой-то непонятной тревогой смотрела Семену в глаза.

— Баб Маш, ну чего вы, словно призрака увидели. Хех. Вот тебе и раз. Вот так и рады. Разве так из армии встречают? — паренек улыбнулся.

— Семен, — еле слышно произнесла старушка.

— Ну, наконец-то узнали, — парень кивнул на дом, — мои-то дома, не знаете?

Старушка медленно посмотрела на дом, затем снова на молодого соседа и отвела взгляд в сторону. Впереди на дороге показались грузовая машина и люди в черных платках.

— Умер, что ли, баб Маш, кто? — серьезное лицо паренька уставилось вдаль. Соседка промолчала. — Баб Маш! Кого хоронят-то?

Старушка повернула морщинистое лицо, и в ее глазах блеснули слезы.

— Баб Маш, хоронят-то, говорю, кого?

Но старушка по-прежнему не проронила ни слова, только с невыносимой грустью и скорбью смотрела на паренька. Семен заволновался и стал пристальней всматриваться в толпу. Уж не из знакомых ли кто? Впереди рядом с машиной с неживыми лицами шли родители Оксаны. Но ее рядом с ними не было. Семен с возрастающей тревогой пробежал взглядом по толпе. Под сердцем больно кольнуло. Оксаны нигде не было.

— Боже, да неужто она в гробу? — еле слышно, с болью в голосе произнес паренек и, еще раз посмотрев на старушку, по ее глазам догадался, что это так. Хоронили Оксану. Мужчины, дети, женщины в траурных платках медленно шли за машиной, из которой тихонько ложились на асфальт еловые ветви. Провожали всем селом. Плакали многие. Кто-то медленно шел за машиной, кто просто покидал

свои дома и выходил к дороге, и все со слезами и с болью провожали в последний путь девушку, доброту и нежность которой познал каждый.

Машина с гробом медленно проехала мимо них. Из толпы показались родители Семена. Заприметив сына, тут же двинулись к нему.

— Семочка, миленький, сыночек, горе-то какое, горе, — мать со слезами обнимала сына, целовала, плакала. — Ты только держись, роденький, только держись. — Женщина не переставала плакать. — Господи, господи.

Отец стоял рядом, успокаивал жену и с болью смотрел на сына. Семен обнял родителей и заплакал. Крупные слезы покатались по щекам. Рука дрогнула, красивый букет упал на холодную землю. Семен поднял его, отряхнул и, вытирая слезы, отправился за машиной. Внутри творилось что-то невообразимое. Душа выворачивалась и рыдала от боли. Да как же так? Да за что же! Семен, одурманенный болью и горем, медленно шел за толпой, гнева и проклиная все на свете. Неужто он больше никогда не увидит ее нежных и добрых глаз? Как же так? Неужто никогда не услышит ее ласкового голосочка? Неужто никогда?! Никогда. Какое это страшное слово. Паренек остановился, присел на асфальт и заплакал.

Позже от родителей Семен узнает, что какой-то пьяный лихач на машине среди бела дня, несясь как сумасшедший, сбил Оксану на тротуаре, когда та шла к почтовому ящику, чтобы отправить письмо любимому. Семен долго перечитывал ее последние в жизни строчки и тихонько плакал. В конце письма стояло: «Ну вот, любимый, наконец-то мы снова будем вместе».

ВАНЬКА-ГРОМОБОЙ

Иван Ложкин вот уже как больше часу не находил себе места. Расхаживая по избе, как часовая стрелка по кругу, бубнил невпопад и нервно, скрипя зубами, тербил руки. Маленький, шупленький, с огромным орлиным носом, Иван выглядел сейчас даже смешно: нижняя челюсть его весело плясала от испуга, когда он пытался что-то сказать. Ложкин, или Ванька-громобой, как все прозывали его в деревне, выпил стакан холодной воды и пытливым взглядом уставился в окно. Прозывали его так не потому, что он обладал нечеловеческой силой, а потому, что Иван боялся грома. А точнее — молнии, которая пару раз, еще в юности, Ваньку шандарахнула по макушке. После тех обоих случаев Иван с ожогами долго лежал в больнице. С тех самых пор к таким природным явлениям, как гром и молния, стал относиться очень боязливо. Даже маленький моросящий дождик приводил его в неопишуемый ужас. А коли выпадало так, что Ванька находился на улице, где его настигал дождь, то тот сломя голову несясь в какое-нибудь укрытие. Вот и сейчас: за окном шумел ветер, шел ливень, погода становилась все суровой и суровой.

— Все-таки стукнет она меня в третий раз, — Иван с опаской подошел к окну. — Стукнет.

— Чему быть, того не миновать, — сказала ему жена Галка.

— Сплюнь! — крикнул Иван. — Ишь, удумала чего. Сплюнь, говорю.

Галина сидела за столом и спокойно попивала чай с баранками. С поведением мужа во время дождя она уже свыклась. Поначалу, конечно, когда была помоложе, ее это сильно пугало. Теперь же, в последнее время, даже стало как-то веселить.

Женщина сплюнула три раза и кулаком постучала по столу:

— Пожалуйста!

— Ты у меня об этом даже думать прекрати, — погрозил пальцем Иван.

Но вот сверкнула за окном в темном небе яркой стрелой молния, и грозный Ванька скукожился как младенец. Раскаты грома еще больше укрепили страх.

Он закрыл глаза, досчитал до семи и снова их открыл. Почему-то каждый раз после сильных переживаний он закрывал глаза и считал до семи. Даже, когда ругались с Галкой, иной раз тоже себя успокаивал таким методом. Сейчас он выглядел по-настоящему смешно и жалко. Галина, отпив горячего чая, ехидно улыбунулась.

— Ты как воробушек озябший.

Иван шевельнул грозно скулами, нижняя челюсть его опять смешно задержалась, что еще больше развеселило жену. Он хотел было ей что-то сказать, но промолчал. Все еще никак не мог прийти в себя.

Галина сама по себе вообще-то была женщиной незлой. И в глубине души жалела и переживала за мужа. Просто в такие минуты, когда Иван был беззащитен, как дитя, она припоминала ему все обиды и ссоры и своим смехом мстила таким образом.

Хоть Иван и был с виду шуленьким, но покомандовать, попридираться по пустякам любил. Вообще-то это даже не редкость, когда такие маленькие, особо ничем не выделяющиеся люди у себя дома меняют облик. Словно невидимая сила окрыляет их. И если же на работе, в гостях да и везде они тихие, то в четырех стенах родной избы превращаются в генералов. Ванька Ложкин был из таких людей. И потому Галина даже была чем-то благодарна погоде, которая пусть и на мгновение спускала супруга с небес на землю.

— Нет, все-таки достигнет она меня где-нибудь в поле, зараза эдакая, — Иван присел на стул.

— Нужен ты ей больно.

— Хорошо вот так вот рассуждать с баранкой во рту, когда по маковке не били.

— Ба-тюш-ки.

Иван привстал и снова принялся расхаживать по избе, ища пятый угол. Как-то раз, еще давно, Ванька вычитал в каком-то журнале, что молнии единожды не бьют. Любят они через года навещать свою жертву вновь. Встречались и такие люди, которых эта самая молния по шесть, а то и по семь раз гладила по макушке. После той статейки Иван с неделю не мог уснуть. Всюду мерещилась опасность. И стоило только небу чуточку нахмуриться, как с улицы его и след простыл. А сколько пришлось работы поменять из-за этого предрассудка. Ведь что ни делай, хоть огнем все гори, но, если идет дождь, Ваньку из дому ни одним тросом не вытащить. Хоть пусть сам министр его на работе дожидается. Иван в дождь не работает. Сейчас, правда, трудится у своего бывшего одноклассника Семена. Тот свиней держит — в район ездит, торгует мясом. Подрабатывает у него во дворе да и водилкой немного. Про Ванькину боязнь Семен еще со школы знает и потому в дождь его не трогает.

— Ну, чего в окно уставился, как на картину Репина! — Галка развела руками. — Шел бы лучше кроватью занялся. Вся ходуном ходит, того и гляди развалится.

— Там надо-то пару болтов подкрутить.

— Ну, так подкрути. Все лучше, чем стоять у окна. Ведь опять же, только дождь пройдет — убежишь в сени девиц строгать. (Иван в свободное время вырезал матрешек.) А тут ночью от скрипа не знаешь, как глаза сомкнуть.

— Что-то я сплю, ничего не мешает.

— Да тебе хоть из пушки над ухом пали, не проснешься, — заявила Галка. — Зато стоит только дождю по крыше постучать, как ты уже в одних трусах у печки крутишься.

— Цыц! — возмутился Иван. Но вот за окном снова яркой вспышкой напомнила о себе молния, и Ложкин снова, закрыв глаза, съежился, как цыпленок.

— Помолчал бы уж, цыкалка.

Галина привстала, подошла к газовой плите, налила еще в кружку кипятка. О том, что супруг сейчас ни за что не займется кроватью, она знала. Не до этого ему сейчас. Но также знала Галина и то, что стоит дождю пройти, как Иван будет ласков и обаятелен, как кот перед хозяйкой, что упер сметану.

— Ой, и в кого ты такой, интересно? — то ли с грустью, то ли с усмешкой вздохнула Галина. — Насмотришься телевизора-то, потом боишься всего, как трехлетний.

— Знаешь, что я тебе скажу...

— Ну, что, что ты мне скажешь?! Разговорился еще. Смотри, окно открою.

Иван приутих.

— Вон у Нинки Николай, хоть собак и боится, а все же не трясется как осиновый лист над каждым лаем.

— Со-бак! — Иван скривил лицо. — Чего их, шавок, бояться-то? Пнул сапогом под хвост, заскулит, убежит.

— Ух, ты какой! — по-доброму улыбнулась Галина. — Они, собаки-то, тоже разные. Бывает, встанет на задние лапы, и выше человека.

— У нас такие не водятся, — уверенно заявил Иван. — Те, что по деревне бегают, Шарик да Жучки, их не то что люди, кошки не боятся.

Галина весело засмеялась. Ванька тоже, глядя на жену, улыбнулся. Дождь за окном начинал стихать, и Иван на глазах понемногу смелел. Галка, все еще улыбаясь, привстала и, подойдя к двери, принялась обуваться.

— Куда собралась?

— Зорьку еще подоить нужно. Али сам пойдешь? — Галина посмотрела на мужа. — То-то и оно.

В хлеву кое-где было сыро. В левой стороне крыша местами протекала. Какой день Иван собирался починить, да то Семен задержает, то закупщику из города срочно полсотни матрешек понадобится. Галина дала немного сена корове и, усевшись поудобнее на маленький табурет, принялась доить. Струйки молока звонко заплескали по дну ведра. Женщина поправила локтем на голове платок и, слегка вздохнув, призадумалась. Думала о том, как страх полностью меняет человека. Подчиняет себе, делает невольным заложником. И ведь не каждый страх можно перебороть. Кто-то боится высоты и, чтобы пересилить это, с каждым разом на сантиметр, на шаг поднимается выше. Галка и сама припомнила, как в раннем детстве боялась пауков. Просто ужас наводили на нее эти восьмилапые насекомые. И все же сумела себя взять в руки и перебороть этот недуг. Нарочно тогда в сенях девчужской отыскала паука и подолгу наблюдала за ним. Оказался он не таким уж и страшным. Или взять, к примеру, Николая Шокина. Здоровый, крепкий мужик, ничем, можно подумать, не испугать. И может быть, таким он раньше и был. Да только вот четыре года назад поехал он по весне в город к сестре да и наткнулся во дворе на стаю собак. Слегка покусали ему ноги, пока отбивался. С тех пор собак и боится. Да и если бы Ваньку ее молния пару раз не шандарахнула, разве боялся бы он ее сейчас? Как же. Еще бы с невестами по молодости под этим самым дождем разгуливал бы. Но одно дело — бояться паука и перебороть этот страх, другое дело — молнию. Кто ее знает, может, и вправду в третий раз может шандарахнуть. Чем черт не шутит. Галина и сама потом читала тот журнал, где писали о молнии. Нет уж, пускай лучше дома сидит да нос не кажет. Не хватало ей еще в сорок лет вдовою стать.

Погладив нежно Зорьку по широкой спине, Галина с ведром зашла в избу. Иван в спальне чинил кровать. Галка улыбнулась и, чтобы не мешать, ушла на кухню. Дождь прошел — теперь только огромные лужи напоминали о недавнишнем ливне. Галина сполоснула руки и, надев фартук, принялась готовить ужин.

ПЕРВОЕ АПРЕЛЯ

Впервые за два месяца у Савелия Кузнецова выдался выходной. С самого утра пораньше, позавтракав на скорую руку, Савелий засобирался в район. Нужно было купить карбюратор, да еще хотел посмотреть рыболовные снасти. Наталья, жена его, быстренько прибрала со стола и, подав супругу кепку, хотела было поцеловать в дорогу да приподняла брови.

— Откуда у тебя солидол на носу взялся? — спросила она. — Опять в гараж ходил, пока я у плиты крутилась?

Савелий по инерции принялся вытирать нос, заодно посмотрел на ладони. Наталья по-девичьи рассмеялась:

— С первым апреля! Эх, до чего же ты у меня простой, как сапог резиновый, — не в обиду сказала она. — Всему веришь. Поди, еще не раз попадешься. Ну, ступай, с Богом! Обои не забудь посмотреть.

Савелий чмокнул жену в губы и поспешил на автобус. То, что он был простым и доверчивым, это Наталья верно подметила. Еще он был тружеником — презирал лень и пьянство, и в свои сорок два года выглядел крепко, хорошо. Всегда верил в одно, что в этой жизни человек сам кует свое счастье. Для Савелия этим счастьем были жена и дочурка Лиза, которая сейчас находилась в городе. Училась в Арзамасском педагогическом институте.

В районе Савелий так и не нашел, что ему было нужно. Карбюратора нигде не было, пришлось заказывать. Жаль, что выдался не четверг, по четвергам обычно открывался рынок. Уже на обратном пути возле универмага Кузнецов повстречал соседей. Александра и Дарью Колентьевых.

— А вы тут какими судьбами?

— Да вот Дашуля хотела подарок сделать, костюм купила, а он немного великоват оказался, — улыбнулся Александр.

— Приехали обменять, а без чека не принимают, — вздохнула Дарья. — Куда подевался, ума не приложу?

Александр Колентьев, осмотрев хорошенько соседа, прищурил один глаз, о чем-то задумался.

— Слушай, Савелий, а ведь тебе, я думаю, костюм враз будет.

Тут и Дарья, переведя взгляд на Кузнецова, закивала головой.

— Точно. Ты у нас вон какой плечистый будешь.

Кузнецов задумался. Не очень-то он любил все эти костюмы.

— Да куда он мне на старости лет? — в шутку отмахнулся Савелий. — По деревне, что ли, шеголять в нем?

— Зачем по деревне? Лизку замуж отдавать будете и наденешь, — смекнула Дарья и протянула пакет.

— В самом деле, на свадьбу наденешь, — согласился с женою Александр. — Ты как раз повыше и пошире на размер. Враз должен быть. Коли не подойдет, заберем обратно. Смотри сам, за деньгами вечером зайдем.

Савелий согласился и принял пакет.

— Ну вот, костюм купил, а нос уже где-то умудрился испачкать.

Кузнецов принялся вытирать нос. И снова его разыграли.

— С первым апреля, — улыбнулась Дарья.

— Не забудь Наталью разыграть, — Александр хлопнул Савелия по плечу и с женою отправились по своим делам.

«Ох уж это первое апреля, лишь бы пошутить над кем. Дался им всем мой нос. Больше не куплюсь», — подумал Савелий и достал из пакета костюм. Пока осматривал покупку, ему вдруг пришла интересная мысль. Он даже потер усы и

как-то ехидно улыбнулся. В глазах блеснул огонек. Кузнецов направился в парикмахерскую.

У Савелия на Камчатке жил брат-близнец. У того был свой бизнес, держал несколько магазинов. По большим праздникам присылал Савелию и его семье дорогие подарки. Звал каждый год в гости, но с работой у Савелия не ладилось, и потому каждый раз поездка откладывалась на следующее лето. Наталья всего-то пару раз и видела супружнего брата-близнеца — на свадьбе, да как-то в новогодние праздники с семьей прилетал на неделю в гости.

Савелий в парикмахерской привел себя в порядок. Постригся, сбрил усы и даже надушился. Примерил костюм. Действительно, как по нему и был шит. И, расплатившись за стрижку, Кузнецов поспешил на автобус.

Наталья Кузнецова развешивала во дворе белье, когда супруг предстал перед ней в костюме. По дороге Савелий забежал в универмаг и купил еще под стать костюму шляпу. Сейчас он важно ее приподнял, кивнул стриженной головой и снова надел.

— Ну чего гостя не встречаете, аль телеграмму не получали? — улыбнулся Кузнецов. — Савелий-то где? Небось, на стол накрывает?

— Как? — первое что пришло Наталье в голову.

— Так-так-так, — Савелий забрал у супруги влажную рубашу и повесил на веревку. — Вижу, не ждали.

— Аркадий?

— Ну, наконец-то, признали.

— Батюшки... Ха. Савелий-то как обрадуется!.. Еще из Дивеева не вернулся, утром уехал за карбюратором. Хотя уже, по идее, должен быть. Ну, пока все магазины не облазит... — Наталья поставила таз с бельем на землю, поправила на голове платок. — Пошли в дом. Гость прибыл, а я его на улице держу. Во те на. Совсем растерялась.

— Да чему теряться-то, хозяйюшка?

Кузнецова повела гостя в избу. На вопрос обернулась.

— Как чему? Дак вы с ним одно лицо, как зеркальные, только мой усы отпустил. Два года уже как носит. И как тут не дивиться, когда перед тобой муж как жених нарядный стоит? Я уж и не помню, когда его в костюме-то видела. У вас в городе все так, поди, ходят? — спросила Наталья и сама же ответила: — Ну, в городе да, там и пойти есть куда. А здесь разве что на ферме красоваться.

Наталья, усадив гостя, засуетилась, накрывая на стол. Поставила чайник, нарезала колбасы, сала, хлеба, открыла банку варенья.

— Неудобно прям, с дороги, и угостить нечем, — Наталья, действительно, чувствовала себя неловко, это было видно. — Сейчас суп подогрею, вчерашний, правда...

— Да не нужно, я перекусил.

— Вот Зинка, зараза эдакая, накажу. То письмо затеряется у нее, то про телеграмму забудет.

— У нас с этим в городе строго, — заметил Савелий.

— А у нас кругом разгильдяйство, сам видишь, — Наталья присела за стол, разлила по чашкам чай. Намазала малиновым вареньем хлеб, подала гостю. Савелий был даже рад новому костюму, давненько жена за ним так не ухаживала.

— У меня тут, — Кузнецов достал из кармана небольшую коробочку. — Вот.

— Ой, что это? — Наталья как-то по-девичьи зарумянилась, приняла подарок.

В коробке оказались обычные недорогие женские духи. Конечно, подарок богатого гостя с Камчатки не то что не обрадовал, скорее удивил. Савелий по взгляду жены это понял.

— Представляешь, какой я лопух. На секунду только оставил сумку и вжик — нету, — гость состряпал печальный вид. — Уволокли.

Наталья сожалеющее покачала головой.

— А там и норковая шуба, и нато... нато... нато... бук, короче мини-компьютер. И содовый телефон для Лизки последней модели. И все коту под хвост.

Савелий, надкусывая бутерброд, посмотрел искоса на жену. По ее расстроенному взгляду он понял, что если бы сейчас он эти слова произнес не в образе Аркадия, то сковородником по голове точно словил бы. О том, что Наталья давно грезит шубой, он знал. И то, что Аркадий купил бы хорошую норку, Наталья это тоже знала. Оттого-то сейчас, скорее всего, где-то в ее подсознании промелькнул этот дорогой подарок.

— Ну, ничего страшного, не было и не надо, — с каплей грусти улыбнулась жена. — Да и где тут в ней расхаживать-то?

— Действительно, разве что поросят смешить, — согласился Савелий. — Баньку, вижу, новую поставили, молодцы!

— Поставили. Чего-чего, а руки у Савелия из нужного места растут.

— Так это же хорошо.

— Хорошо, когда мужик в доме, грех жаловаться. Обидно, что постоянно в работе да в делах, посидеть, поговорить и то время не находим.

Кузнецов промолчал. Отпил чаю, долил в бокал кипятку.

— Савелий говорил, что вы в Париж прошлым летом летали.

— Летали, — без всякого энтузиазма отвел гость.

— Ну, расскажи хоть как там, — заинтригованно попросила Наталья. — А то всю жизнь живешь-живешь, а дальше Нижнего Новгорода нигде и не были.

— Ну а чего тут рассказывать. Справа француз, слева француз, посередине Эйфелева башня — все как положено.

— Да-а, — Наталья задумчиво вздохнула. — Не умеешь ты, Аркадий, рассказывать, разве так описывают Париж. Это ведь...

— Чего это?

— Да так. Мы вот тоже каждый год собираемся на море, да все никак не получается. Ты бы хоть, брат придет, поговорил с ним. Вразумил бы, что отдыхать — это не значит целыми днями пропадать в гараже. Разок можно с семьей и на море съездить. А то раскудахтается, как клушка на яйцо: зачем-зачем.

Кузнецов сморщил лоб, посмотрел на жену и жестом руки объяснил, что, мол, не переживайте, хозяйшка, обязательно поговорю.

— А то как нелюди какие, — вздохнула Наталья. — Ну а Нюра как поживает, как дети?

— Детишки, слава богу, не хворают. Здоровьем в папку пошли. За всю жизнь в больнице-то и бывал, что по пальцам перечесть можно. Всю жизнь организм закаляю и сыновей с раннего детства приучил к закаливанию. По утрам с ними душ принимаю. Любые беды пережить можно, лишь бы здоровье было.

— Это верно. Здоровье главное, тем более в наши-то годы. Савелий у нас тоже закаливается.

— О как! — улыбнулся Кузнецов не без гордости.

— Не каждый день, конечно, но все же. Зимой снегом обтирается, летом потру душ во дворе принимает.

— Молодец какой.

— Был бы сын, так же, поди, как и ты, Аркадий, закалял бы с пеленок, — Наталья улыбнулась.

— Чего сынишкой-то не обзавелись? — Савелий пытливими глазами посмотрел на жену.

— Да как сказать?.. Когда Лизку рожала, роды тяжело проходили. Потом все боялась. Савелий, он, конечно, хочет сына. Я знаю. Да я о втором ребенке часто задумывалась. Да все никак не решалась. Вот что-то внутри такое острое сидит, что даже больно об этом думать, — Наталья виновато опустила глаза. — Он имя даже подобрал. Говорит, сын родится, мы его Юрой назовем, в честь Гагарина. Будет и в нашей семье маленький космонавт.

— Может, еще не поздно?

— Аркадий, я тебя умоляю. Чай мне не двадцать семь и не тридцать два.

— И в пятьдесят рожают, ничего. Ну, да ладно, — Кузнецов потер загорелой ладонью губы.

— Савелий как обрадуется тебе. Давно все к вам собираемся, да вот видишь, никак. Вы бы и сами почаще приезжали, коли время свободное выпадает. Он хоть и бубнит постоянно, что нечего у вас там делать, а я-то знаю, что скучает по тебе, переживает. Бывает, ляжем с ним вечером, он про тебя словом замолвится, как, мол, там, интересно, у меня Аркаша поживает? А коли по телевизору покажут, что в ваших краях землетрясение произошло, сам не свой с неделю ходит. Потом на сердце жалуется. Болит. Года-то уже не те. Все же не чужие. Вот так вот у нас всегда. Все некогда-некогда, работа-работа, а случись чего и... — Наталья промолчала. — Свекровь когда умерла, сильно переживал. Виски поседели сразу. Оно и так тяжело, когда кто из близких уходит, а тут еще, если и вину на себе держишь, вообще невыносимо.

— В чем же он виноват-то перед матушкой был? — у Савелия заблестели от влаги глаза, он нахмурился, достал из кармана папиросу, закурил.

Наталья открыла форточку, принесла пепельницу.

— Да как тут сказать, он, конечно, виноват-то ни в чем не был. Это уж совесть взбудоражилась, издергала его всего. Так часто бывает, когда дорогих сердцу людей теряешь, — Наталья промолчала. — Редко последнее время навещали ее, хотя и жила в соседнем районе, рукой подать. А вот все времени не хватало заехать в гости. А у нее и самой сил уже не было к нам приехать. Тут уж суета суетой, а... — Наталья вздохнула. — Вы с ним на кладбище вдвоем все же езжайте. Будет о чем поговорить. Не спрашивай только, почему могила без оградки. Он на это сердится. Они с матерью считали, что оградка ни к чему — чай, покойник не заключенный, чтоб за изгородью лежать.

Савелий тяжело вздохнул, выпустил из ноздрей дым и потушил окуроч. В сенах послышались шаги.

— Ну, наконец-то, — обернулась к двери Наталья. — Тут каждая секунда дорога...

В дверь постучали, и на пороге появилась Дарья Колентьева, которая пришла узнать, подошел ли костюм. Заприметив соседа нарядным, женщина спросила, нравится ли им одежда, и будут ли они брать. Наталья перевела удивленный взгляд на супруга.

— С первым апреля, — осторожно вымолвил тот и, выйдя из-за стола, медленно пошagal к двери. Уже со двора, закуривая папиросу, Савелий слышал, как Наталья хототала в избе: «Разыграл все-таки, поросенок».

Только самому Савелию было не смешно. Отчего-то разговор с женою так встрепенул душу, что хотелось молчать, хотелось думать. И думы эти сейчас наполняли сердце чем-то теплым и грустным. Непонятное творилось внутри. Вспомнился брат, стыдно стало перед женою за этот нелепый концерт. Каким бы Савелий ни был, а все же она его любит и переживает за него. Да и для него она самый родной человек на этой земле. Скрипнула дверь. На крыльце показалась соседка с женою. Дарья, улыбаясь, пошagalа к себе. Наталья присела рядом на ступеньки.

— В июле отпуск будет, у дочки каникулы начнутся, поедем к Черному морю, — сказал Савелий. — А то, действительно, дальше Нижнего нигде и не бывали.

Наталья прижалась к мужу, улыбнулась и сказала, что без усов ему намного лучше.

КАТЕНЬКА

Колька Щукин (или просто Катенька, как многие называли его в селе) возвращался с работы домой. Вот тоже иной раз и не поймешь, отчего у человека такое прозвище. Кто, когда, а главное зачем придумал так или иначе прозывать кого-то. Прожил человек всю жизнь, до семидесяти годов дожил, все его Алешей в селе звали. Те, кто помоложе, и взаправду думали, что Алексеем старика зовут, а как схоронили, узнали, что Геннадий он от рождения. И ведь от самой молодости и до самой смерти ходит прозвище за человеком, словно тень. И никуда от нее не деться. Любит народ прозвать интересно, смешно, иной раз даже обидно: Гена-Газик, Леша-Обувь, Блоха, Кордан, Гагот, Башка... А бывает, приедешь в село, спросишь у прохожих, как, мол, Степана Мурзина отыскать, и многие плечами пожмут. А поинтересуешься, как Головастика найти, так каждый тебе на Степкин дом укажет. Вот и Кольку прозвали бабским именем. А дело было так. Рыбачил он как-то с ребятами на пруду, и разговорились, отчего родители дали каждому свое имя.

— Меня, — начал Юрка Селезнев, — отец в честь Гагарина назвал.

— А меня, — подхватил Серега, у которого родители работали учителями, — в честь Есенина. Да-да, я ведь тоже Сергей Александрович, как он.

— А меня, — вмешался в разговор Колька, — родители хотели поначалу Катенькой назвать. Им в больнице там что-то напутали, думали, девчонка будет. А родился я, — улыбнулся Колька, и все негромко засмеялись. И с тех пор так и увязалось за ним это прозвище. С кем бы ни встретился, кого бы ни увидел, все его в шутку Катей называют. Сколько бы раз Колька ни ругался, как бы ни злился, а все попусту. Злись не злись, если уж у людей на устах, что ты Катенька, значит ею и быть. Даже жена, Верка, и та иной раз, когда ругались, бабским именем обзовет, чтобы сильнее обидеть супруга. Да еще день рождения у Кольки подходящий выдался, седьмого марта. Теща однажды ему так и заявила: «Может тебя, зятя, сразу завтра и поздравим, чего два раза подарки дарить». Вообще теща, Алиса Яковлевна, немного недолюбливала зятя за то, что он увез ее любимую дочку из города.

— Сам живет в дыре, работает на ферме и жену за собою в пропасть тянет, — твердила она. Хотя Вере в селе нравилось, и сколько раз она матери ни доказывала, что ей тут лучше, чем в городе, та все равно о своем.

— Этих городских не поймешь, — сказал однажды Колька жене при теще. — У них одна косметика в голове.

Алиса Яковлевна тогда надула губы и полдня не разговаривала с зятем. Женщины она была непростая, и Колька ее тоже, как и она, недолюбливал. Каждый месяц она приезжала к ним на ночь в гости и постоянно они с ней ругались. Бывало, даже доходило до того, что Алиса Яковлевна била посуду (это она так себя успокаивала), а Колька покидал избу. В дочери Алиса Яковлевна души не чаяла, и это было видно, подарки неплохие каждый раз из города привозила, и все бы ничего, только вот если бы не совала свой нос куда ни попадя. Это, поди, у многих тещ одна такая большая проблема — совать свой нос в дела молодых, мол, мы пожили, мы все знаем, слушайте меня, я вам расскажу, как правильно нужно жить. И ни в коем случае не перебивайте! Да и пошутить над зятем Алиса Яковлевна любила, но сама на шутки очень злилась. И обычно безобидные эти шутки переходили в ругань.

В сенях Колька приостановился, прислушался. В избе доносились веселые голоса. Тому, что приехала теща, Щукин не удивился, хотя ждал ее ближе к выходным. Обычно она приезжала в одно и то же время. В голове быстро промелькнуло — сейчас встретит с улыбкой, вручит подарок, расцелует и усадит за стол, чтобы угостить своим фирменным борщом. (Чего ни говори, а готовила она действительно хорошо, облизнешься.) Затем примется рассказывать, как этот месяц прожила у себя в городе, обычно одно и то же, а потом, как всегда, перейдет на зятя. Это ей не нравится, то не по душе.

— Зато борща настоящего испробую, — подбодрил себя Колька и зашел в избу. Там уже накрывали на стол. Заприметив зятя, Алиса Яковлевна кинулась того обнимать, не давая толком разуться. Затем, как всегда в своей манере, улыбнулась и в шутку скривила нос.

— А от тебя по-прежнему поросятами воняет?

Колька работал на ферме и потому ничего не ответил, только в сторону повел бровью.

— Ну, это ничего, это мы сейчас быстренько исправим, — засмеялась Алиса Яковлевна и протянула зятю подарок. Тот приоткрыл коробочку и достал флакон туалетной воды. — Ну вот, будешь теперь и ты человеком пахнуть.

Щукин, криво улыбнувшись, поблагодарил за столь ценный подарок и, переодевшись и умыв руки, уселся за стол. Колькины предположения насчет характера тещи не заставили себя долго ждать. Поначалу она как обычно жаловалась на давление, затем поведала о том, как одна кареглазая продавщица нагрубилла ей в супермаркете, и уж только потом перешла на соседей.

— Сил моих нету с ними мучиться, — говорила она. — И гогочут и гогочут целый день. А еще сынишка у них, да такой горластый, а стены-то у нас тонкие, как сквозь газету все слышно. Ругайся, не ругайся с ними, все как об стенку горох. Молодежь!

С последним словом Алиса Яковлевна, сморщив лоб, посмотрела на Кольку. Сам Щукин не раз убеждал себя в том, что теща дотошная и вредная лишь от одиночества. Потому-то она к ним каждый месяц и катается, поплакаться дочке о пустячных проблемах и поскандальить с зятем. Нужно же и ей кого-нибудь поругать, коль мужа нет. Борис Анатольевич (Веркин отец) и Алиса Яковлевна вот уже как двенадцать лет не живут вместе. Как только дочурка подросла и окончила школу, собрал тот свои пожитки и махнул к себе на родину, в деревню. Не выдержал мужик вечных упреков и недовольных лиц. Может, поэтому Вере сразу и приглянулось в селе, что отец-то ее из села, все же и в ее жилах течет деревенская кровь. Колька помнит: как только привез жену домой, та сразу же зашла в хлев и, погладив Буренку по спине, улыбнулась: «Всегда мечтала научиться доить корову». Есть еще у Верки старший брат Мишка, но и тот давно женат и живет в Сибири. К нему-то частенько не поездишь. Ну а коль это случается и Алиса Яковлевна уезжает гостить к сыну, Колька искренне сочувствует Мишкиной жене. Вообще Алиса Яковлевна двадцать лет проработала на заводе, была небольшим начальником и имела в подчинении определенную группу рабочих. Потому-то и привыкла ко всему придирааться.

— У Натальи Чугуновой Любку помнишь? — обратилась Алиса Яковлевна к дочери. — Ну, на радио еще работает, в Париж летала...

— Ну как же, помню, конечно, — кивнула Вера.

— Дочку родила. Три триста. Хорошенькая такая. М-м-м. Прелесть, — теща улыбнулась и невинными глазами посмотрела на зятя. — Катериной хотят назвать.

— Лучше пусть Раей, — сказал Колька и тоже глянул на тещу с улыбкой. Рацкова Алиса Яковлевна (Рая). Об этом прозвище Щукин узнал от тестя, когда тот к ним тем летом в гости приезжал. Хороший, интересный мужик.

— Да ну, — не поняла подвоха Вера.

— А что? — улыбнулся Колька. — У меня бабка так корову звала. Красивое имя, по-моему.

— Ты бы вот чем умничать, сам бы лучше детей настрогал, аль не по силам уже? — рассердилась Алиса Яковлевна. — Мужик еще называется...

— Мама, — вмешалась Вера.

— А что мама, что мама? — теща надула нижнюю губу. — Мне уже с внуками понячниться охота. Первое время, конечно, тебе, доченька, тяжело будет. Но ведь на это есть и бабушка. Буду почаще приезжать, так сказать, в беде не оставлю...

— Час от часу не легче, — вырвалось у Кольки.

— Коля! — посмотрела на супруга Вера.

— Что? — намурила брови теща. — Посмотрите-ка на него, барин. Баню новую поставить какой год не может. Не зря по селу девкой кличут. Безрукий!

— Это я-то безрукий?! — Колька вспылил. — Кто тебе в квартире полностью ремонт сделал? Безрукий?

— Ну что вы, в самом деле, опять начинаете? Мама, Коля?

— Нет, пусть она ответит. А то все мы тут умные больно.

— Хорошо. Допустим. Ну а ребеночка же завести можно. Можно же? Был бы мужик, давно бы завели. С такою женою пятерых завести не стыдно.

— Это мы уже сами решим, сколько и когда, — сказал Колька.

— Не получается? — Алиса Яковлевна укоризненно посмотрела на зятя. — Сходи в больницу.

— Тьфу ты! — Колька поднялся, вышел из-за стола, вытащил из кармана пачку папирос, принялся теревить в ладони.

— Курить на улицу! — скомандовала теща.

Колька, скрипя зубами, убрал папиросы в карман и снова уселся за стол.

— Ну, все, успокоились? — Вера собрала пустые тарелки и двинулась на кухню. — Сейчас торт принесу.

Чай пили молча. Изредка Вера что-то пыталась рассказать, но ее особо не слушали.

— Тут в городе бывает нет-нет да наткнешься на кого-нибудь из твоих одноклассников, — начала беседу Алиса Яковлевна. — Вот ребята у вас умные все. Груздев сейчас майор полиции, у Тяплова турагентство свое, а Лисичкина помнишь? В цирке сейчас работает. Все молодцы, все при делах, чего-то в жизни добиваются.

— Ой, я уж сто лет никого не видела и ни про кого не слышала, — вздохнула Вера.

— Услышишь тут, коль сразу после школы в дыру эту сбежала. И далась тебе эта деревня. Сейчас бы, может, тоже какой-нибудь стюардессой была.

Верка хихикнула:

— Какая из меня стюардесса, скажешь тоже.

— Что ни на есть настоящая, — убедительно сказала Алиса Яковлевна. — Летала бы сейчас Москва — Париж, Париж — Лондон...

— И навернулась бы где-нибудь под Тулой, — сказал Колька. — Вера и в детском саду очень нужный человек. Детишки ее вон как любят.

— Чужим-то отчего не любить, если бы свои были...

— Торт какой вкусный, — вымолвила Вера.

— Торт, кстати, Дмитрий Геннадьевич передал, — оживилась Алиса Яковлевна.

— Какой такой Дмитрий Геннадьевич? — удивилась Вера.

— Ну, помнишь, письма все из армии тебе слал? Губанов.

— Димка? — скорее удивилась, чем обрадовалась Вера. — Где ж его увидела? Он же вроде в Москву уезжал.

— Теперь уже не Димка, а Дмитрий Геннадьевич, — важно поправила Алиса Яковлевна. — Теперь у нас в поликлинике работает. Хирург. Уважаемый человек в городе. Все начальники к нему на вы.

— Что вы говорите, — пошутила Вера и тихонько, игриво засмеялась.

— Вот так вот. В люди выбился, не то что некоторые. А ведь он, помню, за тобою ухаживал, цветы какие роскошные дарил. Интеллигент. Что в юности был, что и сейчас. От таких мужиков и дети с головою рождаются, — Алиса Яковлевна говорила вполголоса, обернувшись к дочери, словно они за столом одни, а тот, кому вовсе это знать не нужно, сейчас в соседней комнате, но никак не рядом за одним столом.

— Ой, да ладно, чего в школьные годы только ни было, — сказала Вера и, взяв ножик, обратилась к супругу. — Тебе отрезать еще кусок?

Колька кивнул.

— Я телефончик его оставлю, своди своего, пусть посмотрит его. Может, и правда чем поможет, — с ухмылкой произнесла Алиса Яковлевна. Колька уже было хотел снова ей в ответ нагрубить, но тут постучали в дверь и на пороге показался Кирилл Рожков.

— Хозяева дома? — улыбнулся тот.

— Дома-дома, — ответил Колька.

— Чего такой хмурый? Не вовремя?

— Да все хорошо. Чего хотел?

— Ну, ты телевизор-то посмотришь, али как? Какой день обещаешь зайти и не заходишь. А завтра футбол, между прочим.

— Пошли, глянем.

— Ну, из-за стола-то я тебя выгонять не буду. Не к спеху. Заходи, я дома буду.

— Пошли, — сказал Колька и бросил взгляд на тещу. — Наелся уже.

Выйдя во двор, Колька с Кириллом закурили и отправились чинить телевизор. Пуская густой дым, Колька шел молча, размышляя про себя: «И ведь знает, как больней укусить, зараза».

— Чего такой задумчивый? — развеял мысли Кирилл.

— Да вот думаю, опять наши завтра проиграют.

— Как знать, как знать, — улыбнулся Кирилл, и они с Колькой свернули к его дому.

